

Глава 1

Все с ним было...

© *Лиза Богданова*

— Боги, Лиза! Сколько можно? Ну, давай же ты быстрее! — подгоняет Соня, гремя в нетерпении ключами.

В любой другой ситуации я бы уже неслась к двери, у которой она топчется, по меньшей мере, десять минут, и извинялась за очевидную нерасторопность. Но сегодняшней день особенный. Я имею право на волнение.

Мы едем загород.

Там соберется большая компания. Люди, которых я знала раньше. Семь месяцев назад. До того, как перевернулся мой мир.

Естественно, я нервничаю. Я так сильно нервничаю, что не в силах сдержать дрожь.

Придирчиво всматриваюсь в свое отражение. Шорты не слишком короткие? Топ не очень открытый? То и дело переделываю прическу, но пучок все равно смотрится небрежно. Именно поэтому сестре и приходится ждать.

— Ну правда, Лиз, все отлично. Ты очень красивая. Идем, пожалуйста, — меняет Сонечка тон. Не люблю эти жалостливые нотки. Я счастлива! Меня жалеть не надо. — Сколько Сашка может сидеть под домом?

А вот это работает. Мне, конечно же, тоже неудобно заставлять ее парня томиться у подъезда.

— Ладно, — шепчу скорее себе, чем сестре.

Прочесав волосы пальцами, оставляю их в итоге распущенными. В начале этой недели я была в парикмахерской, так что они в лучшем своем состоянии.

«Вот же! Зачем только мне понадобился этот пучок?», — сама над собой смеюсь.

С трудом отлепившись от зеркала, с извиняющейся улыбкой бегу к Соне.

— Все, я готова.

— Свершилось!

Подхватываем небольшие дорожные сумки и высккиваем на лестничную клетку. Пока закрываю дверь, из своей квартиры показывается седовласый сосед и по совместительству, в свете недавних печальных событий, «свежий» ректор нашей академии.

— Доброе утро, Виктор Степанович! — приветствуем его с Соней практически в унисон.

— Доброе утро, молодежь! — как всегда благодушно улыбается Курочкин.

Забавный одинокий старичок, интереснейший преподаватель и добрейшей души человек. В свое время, когда мы с сестрой оказались на улице без средств к существованию, именно он помог нам с жильем. Несмотря на то, что все квартиры в этом районе предназначены для научно-преподавательского состава, лично подал ходатайство перед комиссией, чтобы нам предоставили свободную двушку до конца срока обучения, ибо «у детей должен быть дом».

— Как у вас дела? — звонко трещит Сонька. Понятие «формальные отношения» ей чуждо. Со всеми людьми, которые ей нравятся, она незамедлительно умудряется подружиться. — Как здоровье?

— Да дай боже, Сонечка, — расплывается Виктор Степанович в очередной улыбке. Хотя иногда мне кажется, что она у него и не сходит с лица. Даже в минуты полного одиночества. — А вы куда это собрались? — окидывает взглядом наши сумки. Будучи осведомленным, что мы с сестрой являемся друг у друга единственными

близкими людьми, быстро приходит к очевидным для юга выводам. — На море?

— Ага. Целых три дня загородом с друзьями проведем! — в этот раз энтузиазма только у Сони хватает.

Я же при одном напоминании о цели нашей вылазки неожиданно выпадаю из обоймы. Захлебываюсь волнением и начинаю сомневаться в разумности принятого решения.

Не рано ли? Может, не стоит? Пожалую?

А с другой стороны, скоро стартует учебный год... И что, мне снова шарахаться по углам в страхе встретить кого-либо знакомого? Лучше уж резко сорвать пресловутый пластырь и жить спокойно дальше.

— Хорошего отдыха, девчата! Набирайтесь сил перед новым академическим семестром, — расплывается в пожеланиях Курочкин.

— Спасибо, Виктор Степанович! И вам хороших выходов! — вновь в один голос выдаем и, махнув на прощание, сбегает вниз.

С Сониным парнем — Александром Георгиевым или, как его зовут среди «своих», Жорой — я, конечно, знакома. Еще с тех пор... Но все же знакомство это было поверхностным, и что он за человек, мне лишь предстоит понять. То, что он не психует из-за нашего с Соней опоздания — уже радует.

— Привет, — Саша улыбается.

Это тоже приятно. И я, несмотря на смущение, отражаю эту эмоцию. У него нет по отношению ко мне какого-то неприятия, сестра говорила правду.

— Привет, — шепчу в ответ, пока Георгиев забирает наши сумки.

Закидывает их в багажник и... Без какого-либо стеснения притягивает Соньку к себе. Целует с такой страстью, что перед ошарашенной мной несколько раз мелькают их влажные языки. Неловко отворачиваюсь, забывая о том, что я вообще-то старшая сестра.

У меня нет каких-то особых затыков и предрассудков, но... Куда мне до Сониной раскрепощенности?

Они встречаются чуть больше месяца. Очевидно, что без ума друг от друга. Как сказал бы кое-кто из моего прошлого, люто... Ничего не могу поделать, зачем-то снова и снова о нем вспоминаю. Не специально, нет. Временами чудится, что это он обо мне думает и тем самым заставляет помнить меня. Бредово, знаю. Но сейчас я настолько свободная, что позволяю себе думать обо всем, что лезет в голову. Кто меня за это накажет? Никто. Мое сознание — это лучшая книжка, лучший красочный фильм, лучшая параллельная жизнь.

— Лиза, садись, — окликает, наконец, сестра. Раскраснелась, но вовсю хохочет. Видно, что ей тоже несколько неловко передо мной. И все же с тем, что чувствую я, не сравнить. Меня снова лихорадит. — Да садись же, не стесняйся ты!

Киваю и спешно забираюсь на заднее сиденье. Едва дверь закрывается, с удовольствием вдыхаю свежую прохладу салона. После пыльного солнцепека ощущается изумительно приятно. Давно я не каталась на крутых машинах. С тех самых пор... После него — ни с кем. Все с ним было. Только с ним. Все.

Хлопают передние двери, и в автомобиле становится шумно — Сонька с Сашей громкие люди. Главное, чтобы не начали опять при мне целоваться. Надеюсь на их сознательность, но глаза для верности все же прикрываю.

Всю дорогу пребываю в своих мыслях. Думаю о том, какая я счастливая. Ведь моя жизнь принадлежит исключительно мне. Я могу учиться, работать, заниматься всем, что мне интересно, и одеваться так, как мне нравится.

Все прекрасно. Я свободна. Большого и не надо.

Неисправимая романтичная натура Сони часто поднимает в нашем доме любовные темы. Еще до того, как с Сашей все получилось, казалось, что отношения — это все, о чем она мечтает. Мне же... Мне и так хорошо. Никакой любви не ищущая. Хватит. На всю жизнь запомнила, как это больно.

Мне удастся расслабиться и даже задремать, что после бессонной ночи неудивительно. Пришлось засидеться до

пяти утра, чтобы перегнать план рабочего проекта и получить эти три дня выходных.

По приезду же... Первое, что у меня вызывает потрясение — место. Оно оказывается тем самым, где произошли самые лучшие моменты моей жизни.

«Загородный дом Артема Чарушина...», — заставляю себя озвучить его имя хотя бы мысленно.

Знаю, что его друзья частенько проводят здесь время без него. За это знание и цепляюсь. Надеюсь до последнего... Тем более Соня уверяла, что его не будет. С ним я встретиться пока не готова. Когда-нибудь... Но не сейчас.

За этими мыслями скрадывается волнение, которое должна была вызвать встреча с друзьями Чарушина. В какой-то момент просто понимаю, что они удивлены не меньше меня.

— Оу! — первым отмирает Дания Шатохин. Спихивая с колен незнакомую мне девчонку, встает с шезлонга и шагает напрямик к нам. — Какие люди!

— Привет, — здороваюсь, стараясь незаметно освободиться от возникшей на нервной почве скованности.

Соня с Сашей, покинув машину, явно выпали из реальности. Обнимаясь, о чем-то самозабвенно шепчутся. Так что ждать от них помощи не приходится.

— Как дела? — наступает Шатохин решительно.

И вроде ничего такого, а меня прямо-таки скручивает изнутри.

— Хорошо. А у тебя? — все еще пытаюсь скрывать растущее волнение.

Но все усилия, конечно же, летят к чертям, когда Даниил, вместо ответа на мой вежливый вопрос, с привычной откровенностью вываливает:

— А ты разве не замужем?

Внутри меня будто перекачанный шар лопается.

— Блин, Тоха... — выдыхает раздраженно Георгиев. — Только ты и мог выкатить это в первую минуту встречи!

Толпа, реагируя на его возмущение, прыскает смехом. Я же, чувствуя, как окатывает огнем щеки, некоторое

время лишь смущенно улыбаюсь. Какой-то конкретной обиды подобная прямолинейность у меня не вызывает. Просто это ощущается неожиданно, неловко и немножко больно. Вот и все.

Спешно перевожу дыхание.

— Нет, я не замужем, — отвечаю достаточно спокойно. Стремлюсь поскорее закрыть вопрос и послабить всеобщее любопытство. — Свадьба не состоялась.

— Опача... — ухмыляется Шатохин. Склоняя голову на бок, разглядывает меня против солнца, прищурив один глаз. — А че так?

— Тоха, заткнись! — кричит кто-то из девчат.

И снова взрыв хохота.

— Выбило, — так же ровно отвечаю я. — Знаешь, когда что-то слетает, и загрузка обрывается? Вот так и у меня получилось.

Для геймеров и айтишников — самое простое объяснение. А еще оно без лишней эмоциональной нагрузки, которую я научилась избегать.

— Ну, круто, че, — заключает Шатохин в своей обычной манере. — Вижу, у тебя все хорошо теперь. Выглядишь офигенно!

— Спасибо, — благодарю, заливаясь в очередной раз жаром.

— Ну а с учебой что? Не видел тебя в академии.

— Тоже все нормально. У меня спецграфик. Вот и не пересекаемся.

— Кто-то будет удивлен... — протягивает Шатохин, многозначительно дергая бровями. И следом более эмоциональный набор звуков выдает: — А, уф, уже.

Машинально оборачиваюсь, чтобы посмотреть туда, куда направлен его взгляд. И меня настигает второе сокрушающее потрясение.

Господи...

Он.

Глава 2

Он все еще там... Внутри меня.

© *Лиза Богданова*

Едва наши взгляды встречаются, сквозь меня будто проходят тысячи миллиампер тока. Тело разбивает дрожь, и скрыть это уже нереально. Без сомнения, все видят, как я вздрагиваю. Но «все» меня больше не волнуют. Системы восприятия фокусируются исключительно на Чарушине. Они на нем нещадно зацикливаются и беспорядочно клинят.

Боже, это он... Он... Он...

Его образ, его лицо, его глаза... Не могу поверить...

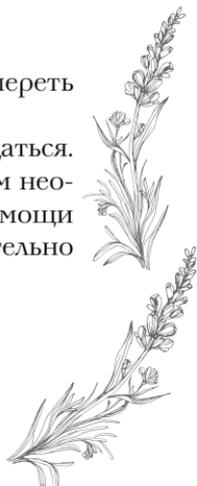
Господи, я не могу поверить...

Кожу осыпает мурашками. Плечи едва ли не до треска резкой волной напряжения сводит. Но особенно сильно меня трясет внутри. Из каких-то заколоченных тайников вырывается нечто запретное. Взмывает и расплывается по груди, рана плоть острыми и горячими ударами.

Иступленно. Мощно. Невыносимо.

Однако остановить это чувство, скрутить и запереть обратно я не способна.

От избытка эмоций подмывает попросту разрыдаться. Не знаю, каким чудом выживаю в этом налетевшем неожиданно шторме. Семь месяцев назад от подобной мощи я бы сломалась. Сейчас же понимаю — я действительно выросла.

Я сильная. Я свободная. Я счастливая.

Судорожно втягиваю воздух и остаюсь неподвижной, пока Чарушин неторопливо приближается. Я, черт возьми, выдерживаю его взгляд. А смотрит он, как и раньше, прямо в глаза. Единственное, то ли шквал собственных эмоций мешает принимать еще что-то извне, то ли Артем действительно ничего не выражает — ни черта не вижу.

Он холодный. Он жесткий. Он суровый.

Знаю, что любил меня. Любил тогда по-настоящему. Но помню и то, как при расставании кричал о своей ненависти.

«Я ненавижу тебя... Лиза... Я, блядь, тебя ненавижу!»

Больно. Очень больно. И эту боль не загасить.

Его взгляд прожигает мне кожу. Оставляя обширные ожоги, проходится по всему моему телу. Медленно убивает меня своим небрежным вниманием.

Сердце грохочет так безумно, что все остальные процессы сбиваются. Вибрацией летят жаркие импульсы. Гудят и пульсируют по всему моему организму. Выписывают смертельные узоры.

Он все еще там... Внутри меня.

Лишь один раз в жизни я находилась в состоянии опьянения. И скажу вам, против того, что происходит с моим организмом сейчас, то самочувствие можно назвать не более чем жалкой ерундой. Ощущения всепоглощающего и всеобъемлющего дурмана в разы сильнее. В моей крови происходит высвобождение каких-то эфемерных и дико ядовитых частиц. Они взрываются, разят огненными шпорами и высекают из моего тела искры.

Казалось бы, что такое семь месяцев? А Чарушин изменился. Не меньше, чем я.

Кожа и волосы темнее. Загорел, это однозначно. Что же до волос... Нет больше дерзко торчащей копны на моем затылке. Совсем короткая стрижка. Вся поверхность едва отличается по длине от привычных бритых висков.

Серьга из уха пропала. На ее месте лишь крохотный резкий след, словно силой ее сорвали. Еще один шрам? Сколько их у нас на двоих? Не сосчитать. Да и не надо.

Замечаю и то, что Чарушин стал крупнее. Мускулистее и рельефнее. Отсутствие футболки позволяют оценить эти изменения. Помню, что помимо баскетбола Артем любил висеть в тренажерке. Надеюсь лишь, что этот разительный рост — следствие его прямого желания, а не необходимость упахиваться, чтобы уснуть, как было тогда у меня.

Вина топит. Ее я ненавижу культивировать. Но по отношению к Артему это чувство более чем справедливое.

— Привет, — шепчу, готовая к тому, что он не ответит или, что еще страшнее, прогонит прочь со своей территории.

Без приглашения ведь, получается... Он тоже не знал. Он тоже не готов.

Разница лишь в том, что ему плевать. Уже плевать на мое присутствие. Потому как отзывается он удушающе сухо:

— Здравствуй.

И сразу же переключается на Сашу с Соней. Здоровается с ними, о чем-то спрашивает... Я не стараюсь понять. С трудом сглатываю собравшийся в горле ком и планомерно перевожу дыхание.

— Давно вы вместе? — удается уловить мгновение спуста.

Получается, и насчет отношений друга с моей сестрой не осведомлен. Скрывались они, что ли? На Соньку совсем не похоже.

— Уже больше месяца, — выдает она счастливо, почти подпрыгивая на месте и тряся на этом движении пушистыми хвостами.

Забавная такая... Искренняя и милая. Не могу не усмехнуться.

— Неожиданно, — по интонациям Чарушина понимаю, что и он улыбается.

Моргаю против порыва легкого ветерка и абсолютно непреднамеренно вновь взглядами сталкиваюсь с ним. Вот в этот миг его давление и какой-то резкий выброс эмоций ощущается ураганом и супостатом моей собственной бури.

Остановись, взлетишь ведь...

Закончить свою мольбу не успеваю, как Артем сам отворачивается. Снова что-то говорит. Не мне. Говорит и смеется, оставляя в моей воспалившейся памяти глубокие пробелы и резкие зазубрины.

У меня не хватает смелости, чтобы пролонгировать то пристальное изучение, которое я себе позволила на первых минутах этой странной встречи, но и тех беглых вороватых взглядов, которые я безобразно часто на него направляю, хватает, чтобы разбить и заново сложить его образ.

Да, Артем Чарушин очень изменился.

Он жестче. Он сильнее. Он опаснее.

Ни его улыбки, ни даже смех не дают повода расслабиться. Я пытаюсь, но по всему телу будто узлов навязали.

Скручена. Сжата. Съезжена.

Ведь в мою сторону с каждым его взглядом будто снаряды летят. Принимать это тяжело. Но и игнорировать невозможно. Одно радует — эти атаки непродолжительны. Потому и сохраняется возможность дышать. Через раз, но для жизни достаточно.

В какой-то момент в голове становится так шумно, что и не понять: в реальности я еще существую?

— Пойдем, Лиз, — Сонька, как обычно, спасает. Берет меня за руку и увлекает в дом следом за Сашей. — Оставим вещи и переоденемся.

Не оглядываюсь, но затылок, спину, ягодицы и ноги жжет неистово. И это отнюдь не агрессивное воздействие поднявшегося высоко над горизонтом солнца. Нет. Слишком хорошо я помню эти ощущения. Точно знаю, чье внимание способно их вызывать.

В помещении, говорю себе, не шерстить по сторонам взглядом. Стараюсь смотреть сугубо себе под ноги. Хватит чертовых воспоминаний! Но, как выясняется, запах и какая-то незримая атмосфера дома тоже въедаются в мозги. Пройди я хоть весь путь от входной двери до комнаты с закрытыми глазами, уловила бы и узнала. Отбейте даже это место до камня, не поможет.

Я помню всю архитектуру, обстановку, расположение вещей.

Вспышками расходятся воспоминания. Наши разговоры, смех, поцелуи, ласки... Захлебываюсь, пока в груди закручивается воронка жгучего восторга.

«...Ты – любимая моя... Я заиклен на тебе... Запилен пожизненно, понимаешь? Ты даже пахнешь особенно... Чистотой. Свежестью. Жизнью... Моим миром...»

На фоне всех эмоций, что я продолжаю испытывать, поднимать это из глубин памяти, оказывается, очень больно. Потому что между сегодня и тем днем — расстояние не просто в год. Это тысячи километров непреодолимой пропасти.

Благо хоть комната не «та самая». Другая. Неизведанная.

Отлично.

— Малыш, — шепчет Саша. За этим сразу же следует страстное причмокивание. Неловко пялюсь в окно, пока они не стихают. Но оборачиваться не спешу. — Все... Скидывай шмотки... — просьба с удушающе-эротичным придыханием. — Надевай купальник... Я во дворе жду...

— Сильно ждешь?

— Сильно-сильно...

Приходится напомнить о своем присутствии покашливанием.

— А, да... Пошел я, в общем...

Сонечка, конечно же, даже после ухода своего принца пребывает в измененном состоянии. Жаль, но приходится жестко ее из него выводить.

— Ты же говорила, что Чарушина не будет... — шиплю возмущенно. Больше нет необходимости следить за своими эмоциями. И меня, естественно, расшатывает на максимум. — Ты говорила, что вы с ним не общаетесь!

— Ну, так, потому и не знала, что он тут будет, — отпирается Сонька виновато. — Саша мне не сказал. Не знаю, как так получилось. Мы должны были поехать к нему домой. Но в какой момент планы поменялись. Я сама не поняла, когда!

Шумно вздыхаю. Прислушиваюсь к тому, что творится внутри.

И, наконец, выдвигаю:

— Что ж... Я здесь оставаться не хочу. Не хочу и не буду!

— Ну, Лиз... — изумительно забавно квакает Сонька. — Как ты уедешь теперь? Как это будет выглядеть?

— Плевать.

Я сильная. Я свободная. Я счастливая.

Меня не заботит мнение других. Пусть это даже компания влиятельной элиты нашей академии.

— Отлично! Оставишь меня здесь одну?

Тут-то моя независимость и ломается. Разбивается о стену Сониной упертости.

— Мы с Сашей только-только притираемся друг к другу, Лиз. И все эти друзья... — красноречиво закатывает глаза. — Ты же знаешь, какие они... Неужели оставишь меня одну?

— Ты мелкая манипуляторша!

Раздосадованно вздыхаю.

— Пусть так... — пожимает совершенно спокойно плечами Соня. — Ты ведь говорила, что Чарушин в прошлом, — напоминает мои давние слова. — Так в чем проблема?

— Говорила, — отрицать смысла не вижу.

Объяснить все свои чувства все равно не смогу. Да и не обязана.

У меня все было хорошо. Почему я должна переживать эту тряску?

Кроме того... Старая версия меня воспользовалась бы любой возможностью сбежать. Сейчас же допускаю мысль, что эта встреча — своего рода шанс пережить все неутоленные чувства и окончательно отпустить прошлое.

Если Артем может... Смогу и я!

Глава 3

Даже если мы умрем, не так уж и ужасна эта смерть...

© *Лиза Богданова*

— На счет три, — выкрикивает Артем. Я без какого-либо стеснения забираю в коллекцию своей памяти еще одну потрясающую картинку — его застывшее перед прыжком сильное тело. На краю бетонного пирса он не один, рядом с ним еще четверо не менее красивых парней. Но вижу я только Чарушина. — Раз... Два... — тянет с веселыми дразнящими нотами. А потом, вызывая у меня мурашки, особенно громко обрушивает: — Три!!!

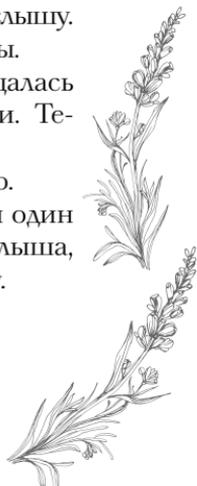
И они с различными акробатическими вращениями срываются в море.

Задерживаю дыхание, пока ребята не входят в воду. Резко выдыхаю, когда она с плеском смыкается над ними. Так же быстро вдыхаю. И вновь замираю. Безумная пульсация крови отбивается в ушах глухими толчками. Помимо них, вокруг меня расходятся десятки других звуков, но я ничего не слышу. Будто сама оказываюсь под этой свирепой толщей воды.

Забываю о том, что еще пару минут назад смущалась из-за своего раздельного ярко-оранжевого бикини. Теперь мне не до него.

«Раз, два, три, четыре, пять...» — считаю мысленно.

И с бурным облегчением выдыхаю, когда парни один за другим выныривают. Неосознанно улыбаюсь, слыша, как они забавно фыркают и горланят на всю округу.

— У-у-х-ху-у! — направляет Чарушин в небеса.

Такой откровенный кайф в этом горит, что и меня подхватывает. Закручивает, как могучий тайфун. Вызывает страх, волнение, жуткое головокружение и восторг. Самый настоящий восторг.

Стою и старательно регулирую сбившееся дыхание, пока парни не менее весело и шумно выбирают из воды. Отвожу взгляд, едва ступают на пирс.

Ни к чему, чтобы Артем без конца ловил меня на том, как я на него плююсь.

Но едва я отворачиваюсь, какое-то необъяснимое чувство заставляет меня обернуться и вновь посмотреть на приближающуюся пятерку.

Задыхаюсь, когда осознаю, что Чарушин движется попросту на меня. Сердце заходится в панике и остервенело толкается в ребра. Тело сокрушает волной неустойчивой дрожи. Все волоски встают дыбом. Каждый из них, словно чувствительный приемник. Ощущаю, как проводят жар в мое тело. Такой сумасшедшей энергией он расходится, что перед глазами разноцветные блики начинают плясать.

Интересно, сильно заметно, что я собираюсь умереть до того, как он со мной заговорит? Просто интересно... Жаль, шанса узнать не предоставляется. Не знаю, какую степень ужаса выражает мое лицо, однако, едва наши взгляды пересекаются, Чарушин меняет траекторию и проходит мимо меня.

Слегка задевает мое плечо своим — трескучие импульсы врываются под кожу. Но и это не самое разительное... Последний зрительный контакт как многочасовой монолог. Выплескивает гораздо больше, чем я способна выдержать.

Пылающий гнев. Яростный упрек. Необъяснимая и убийственно-горькая вина.

Все это врывается внутрь меня, захватывает главные стратегические позиции и, отравившись моим нутром, трусливо замирает.

Тишина.